

Вячеслав Алексеевич Доброславин – герой Первой мировой войны

Вячеслав – третий сын в семье Доброславиных. Родился 28 декабря 1873 г. в Петербурге, крещен второго января 1874 г. в Смоленской Божией матери церкви при императорской Медико-хирургической академии. Его воспитателями стали служащий начальником отделения Департамента Государственного Казначейства статский советник Василий Семенович Потемкин, сват А.П. Доброславина, и Александра Алексеевна Доброславина, бабушка. [1].

Как и предыдущих детей, Доброславины в 10 лет отдают учиться своего сына в ту же 3-ю гимназию, где обучались старшие братья. Вячеслав в течение 6 лет учится в этой гимназии, а потом его переводят в Ларинскую, одну из престижных гимназий города. 1893 г. Вячеслав поступает учиться в Петербургскую военно-медицинскую академию, где уже на 3 курсе учится его старший брат Владимир. 10 ноября 1898 г. Вячеслав оканчивает академию с отличием так же, как и его отец, и получает степень лекаря. Специализация – главный врач. Поначалу тоже увлекается наукой и в 1901 г. в журнале «Врач» № 44 он публикует статью под названием «Влияние состояния приспособляющего прибора глаза на степень кривизны роговой оболочки». [2].

Как стипендиат военного ведомства, после окончания академии, он был обязан прослужить 4 года и 9 мес., согласно действующему закону, при учебе в академии ему в стаж государственной службы засчитывается 3 года. В 1898 г. Вячеслав женится на Заботкиной Александре Константиновне, одной из многочисленных дочерей купца 2-й гильдии и уезжает с ней на военную службу в Варшаву в Уяздовский военный госпиталь младшим ординатором. Вячеслав в этом медицинском заведении на год избирается секретарем медицинского совещания. В Польше в семье В.А. Доброславина рождается двое детей, Алексей и Ольга. В 1902 г. он возвращается в Петербург. Приказом от 23 декабря 1902 г. принимается на службу в Лейб-гвардии Семеновский полк, младшим врачом. Живет на Мытнинской ул. д. 7. 27 января 1903 г. В.А. Доброславин приступает к своим обязанностям как ординатор Николаевского военного госпиталя. 2 февраля 1903 г. утверждается в чине титулярного советника, а с июня того же года – коллежским ассессором. 7 октября 1903 г. Вячеслав Алексеевич подает рапорт на имя директора Женского медицинского института о принятии его на должность ассистента кафедры оперативной хирургии, хотя уже с 1 октября он практикует на этой кафедре. Он получает разрешение от окружного военно-медицинского инспектора, который предписывает разрешение «в свободное от прямых обязанностей время» работать в институте. С 24 декабря 1903 г. по 1 ноября 1905 г. Вячеслав Алексеевич проработал ассистентом на этой кафедре.

1905 г. ознаменовался для России вооруженным мятежом. Вячеслав Доброславин в составе Лейб-гвардии Семеновского полка 14 декабря 1905 г. командирует в Москву для подавления вооруженного мятежа. Надо полагать, что Вячеслав Алексеевич не принимал участия в боевых действиях против мирного населения, а оказывал медицинскую помощь солдатам и офицерам императорской гвардии, пострадавшим от уличных боев. Возвратился в Петербург он 31 декабря и новый 1906 г. встречал уже с семьей, которая в это время проживала в Басковом переулке, д. 39.

12 марта 1906 г. за выслугу лет он получает чин надворного советника, а 10 сентября приказом Государя Императора награжден орденом Св. Анны 3 степени. В 1907 и 1910 гг. В.А. Доброславин, наряду с основной службой в Лейб-гвардии Семеновском полку, практикует в Лечебнице СПб. Общества врачей-специалистов, в больнице при Святоотроицком обществе сестер милосердия. В августе 1912г. он назначается младшим ординатором Николаевского военного госпиталя, окончательно увольняясь из Семеновского полка. [3].

1 октября 1910 г. В.А. Доброславин подает прошение на имя председателя Ревизионной комиссии Городского общественного управления о принятии его в Городскую ревизионную комиссию. 8 марта 1911 г. Ревизионная комиссия постановила, в связи со смертью врача Д.И. Менделеева (*однофамилец великого ученого – авт.*), бывшего старшего контролера, принять временно на должность контролера больничного дела врача В.А. Доброславина с окладом 100 рублей в месяц.

11 июня 1913 г. Ревизионная комиссия постановила контролера В.А. Доброславина назначить на должность старшего контролера по контролю расходов на санитарное дело, а 17 сентября его повышают в должности до старшего контролера с окладом 3000 рублей. В 1914 г. для России наступили грозные времена – началась Первая мировая война. 19 июля 1914 г. подполковник Вячеслав Алексеевич Доброславин назначается главным врачом 304 полевого подвижного госпиталя. Как истинный патриот своего Отечества Вячеслав Алексеевич был на передовом рубеже, оказывая помощь солдатам и офицерам. Принимая заслуги В.А. Доброславина в ревизионном деле, честность и порядочность, Ревизионная комиссия принимает решение сохранить

Военный врач В.А.Доброславин.1914 г.

за доктором 50% оклада, во время его нахождения на фронте и принимая во внимание, что он женат и имеет троих детей. [4].

Чрезвычайно интересны и ярко описаны страницы жизни Вячеслава Алексеевича его дочерью Ольгой (1902 г. р.). [5]. Удивительно наблюдательная и чувственная девочка вела свой дневник, куда заносила все впечатления от увиденного. Страницы этого дневника позволяют представить характер живого человека, с неординарной судьбой, настоящего врача, патриота России.

Вот строки из дневника Ольги (в замужестве О.В. Арнольд-Маслова (Доброславина) о событиях того периода которые происходили в г. Кисловодске, где жила семья Вячеслава: «ВОЙНА... И вот наступил день, когда маленькие мальчики разносчики газет, летая по городу с голубыми листовками, экстренным выпуском разносили весть об объявлении войны Россией Германии. Франция была с нами, но Англия медлила, что увеличивало тревогу взрослых и конечно и нас уже принимавших участие в этом гигантском котле. 14 июля служили молебн в парке, на площади перед нарзанной галереей. Яркое солнце освещало толпы людей и их торжественные, печальные лица. Среди присутствующих находился французский седовласый генерал Фош, которому после молебна, какая-то девочка в бантах преподнесла букет цветов. Фош поцеловал её, держа своё военное кепи в руках, произнес речь. Что он говорил не помню. После него выступал Хан Хивинский и Эмир Бухарский, тоже отдохавшие в Кисловодске... С тяжелыми сердцами мы возвращались домой... «А как Папа? Что с Папой?» – вертелось в голове... Мы знали, что папа пойдет на войну; ещё в Петербурге, когда обсуждалась международная обстановка, он всегда говорил: «Если разразится война, я обязательно пойду на фронт». Мы долго ждали папиного письма. Наконец оно пришло. Папа извещал, что он назначен начальником полевого подвижного 304 госпиталя и, что он вскоре направляется на фронт. Описывал он также каким патриотическим порывом охвачен весь Петербург, как толпа качала на улицах военных и его, в том числе, на Невском у Аничкина моста. Теперь, фальсифицируя историю, рассказывают о каких-то бунтах и чуть ли не о баррикадах на улицах – всё это ложь. Весь народ был объят патриотизмом, все встали грудью за «матушку Россию» и за братьев сербов, которых клялись защищать. Может где-то что-то и происходило, но где, в каком государстве, все всегда бывают всем довольны? Мама вскоре получила уведомление от хозяина дома, в котором мы жили, что поскольку наша семья является семьёй фронтовика, он снижает на оплату квартиры на 50 рублей. Мама стала платить 100 рублей...

...Наше победное наступление в Восточной Пруссии, как известно, закончилось гибелью Самсоновского корпуса, поспешным отступлением, а точнее бегством наших частей. Папин госпиталь метался между Сувалками и Варшавой, был в Августовских лесах в Ломже, в Мальве, в Цеханове, в Лодзи, в Скерневицах. Случалось, что папин госпиталь терял всякую связь с командованием и находился под угрозой окружения и плена.

Приведу выдержку из одного папиного письма, написанного 16.10.1915 года, где он вспоминает ужасы того периода: «...*Не меньшие муки, моя родная, испытывал я при виде сотен, тысяч и десятков тысяч тех несчастных, которые проходили мимо меня. Я видел страшную жажду жизни у людей, приговоренных к смерти, я слышал их мольбы о помощи направленные к нам, врачам, я слышал их призывы, направленные к отцам и матерям, я видел их слезы при обращении к сестрам милосердия с просьбой написать последнюю весточку о себе их женам и детям. Я жил среди моря физических и душевных страданий и*

один раз только, за всё это время, я не выдержал и, не стыжусь сознаться, прямо убежал в лес, где разрыдался как маленький мальчик. Родная моя, ведь я должен был сдерживаться, я должен был выработать в себе способность подавлять все общечеловеческие чувства, для того, чтобы быть образцом для других.

Я знаю, что ты поймешь меня, поймешь что я должен был пережить и перечувствовать, когда наш госпиталь, в течение двух суток блуждал между немецкими разъездами, когда уходя из Ловича, я не знал, пройдем ли мы между немецкими позициями на свободу, когда в Скерневицах мы каждую минуту могли быть отрезанными во время разгара работы, когда из Недржвиц мы уходили из местности, фактически, бывшей между нашими и неприятельскими окопами».

К этой выдержке из письма, добавляю еще рассказ самого папы, который слышала от него уже в 1915 году, когда он приехал к нам на три дня с фронта. «...Госпиталь был переполнен ранеными и был расположен в какой-то маленькой деревушке. В течение нескольких дней мимо проходили отступающие войска. Я же не имел права свернуть ни одной койки без приказа командования – а приказ не поступал, о госпитале забыли. Наконец, видя угрожающее положение, я решил добраться верхом до командования, чтобы получить указания как действовать дальше. По дороге мне встретился наш разъезд и офицер недоумённо меня спросил: «Доктор, что Вы здесь делаете?» Я объяснил положение. В ответ поручик мне сказал, что все штабы уже давно эвакуированы, войска отошли на новые позиции, а он возглавляет арьергард и является единственным начальствующим лицом в этой местности. Он немедленно отдал мне приказ сворачивать госпиталь и добавил, что через два часа прибудет в расположение госпиталя, чтобы эскортировать в Н-ское, и в случае, прикрыть собой раненых, если мы столкнемся с немцами».

И вот еще одно, очень характерное описание событий тех времен. «...Наша тягучая как резина, размеренная и скучная жизнь была нарушена неожиданным радостным событием. Как-то мрачным октябрьским вечером в нашей квартире прозвучали 3 милых сердцу, 3 знакомых папиных звонка. «Папа приехал, папа приехал...» ...приехал всего на три дня, измученный, усталый, замкнутый, неразговорчивый. Сделав минимум необходимых визитов, он все остальное время просидел в мягком кресле, стоявшем в углу маминой комнаты. Мы подходили к нему, робко жались, а он обнимал нас и молчал, молчал... Через 3 дня мы уже ехали на Варшавский вокзал его провожать и вернулись ещё более грустные, непонимающие его угнетенного настроения. А в письме к маме он написал следующее: «...моя отчужденность является результатом всего того, что мне пришлось пережить за все это время войны... от сознания невозможности получить помощь от своих прямых и непосредственных помощников... Мне пришлось, наконец, самому взяться за все дела, чтобы все привести в порядок, и ревизия в апреле месяце дала блестящие результаты. Но сознание, что я должен полагаться только на самого себя, заставляла меня понемногу замкнуться в самом себе, относиться к людям с ещё большей отчужденностью и сдерживать себя во всех отношениях. Все это усиливалось от постоянных столкновений с людьми меньше всего думающих о деле и ставивших на первый план свой собственные интересы. Инертность одних и злость других заставляли меня подавлять в себе внешние проявления тех внутренних переживаний, которые доставляли мне столько муки».

Описывая далее блуждания госпиталя между русскими и немецкими позициями, папа продолжает: «...и при этих условиях я должен был быть внешне спокоен, т.к. если бы я не был таким, то неизвестно что было бы с другими. Я не говорил тебе, что в одну из таких минут мне пришлось резко оборвать одного из ординаторов, заявившего, что кажется, настал момент приказа «братцы, дери, кто куда может». Я постарел душой и познал особенно ясно всю тщету земных благ, находясь в течение года так близко от смерти. Я устал, я перетянул свою нервную систему и я чувствую, что долго не выдержу...».

Первый ряд (слева-направо) Е. Симонова, А. Млевич (неточно), В.А. Доброславин, З. Шиганова. Стоят (слева)– личность не установлена, М. Домашнова, Синев.

В следующих письмах папа уже сообщал, что ему предоставляется отпуск...

...Этот приезд папы ознаменовался еще одним счастливым событием, в санитарном управлении Северного фронта ему сообщили, что его берет к себе в качестве инспектора проф. Двукраев, поскольку папа прославился как неподкупный и честно выполняющий свой долг врач. Новое назначение означало, что папа не будет находиться в непосредственной близости от фронта...»

Это назначение состоялось в январе 1916 г. Согласно приказа № 96 от 12 января 1916 г. надворный советник В.А. Доброславин перемещен врачом для поручений VII класса при Управлении Санитарной части армии Северного фронта и с 31 января вступает в эту должность.

Далее опять строчки из дневника Ольги Вячеславовны: «В последний раз весной папа приехал, когда было уже совсем тепло. Он провел с нами несколько дней, мы ходили с ним гулять, папа был необычайно оживлен и весел. Провожать поехали его на трамвае на Варшавский вокзал. Помню, это было под вечер, солнце садилось и заливало весь город и трамвай красными лучами света; всё кругом пылало. На вокзале было многолюдно, платформы купались в золоте заходящего солнца. И несмотря на то, что поезд этот отправлялся на фронт и нас окружали те, кто туда отправлялся, или провожал своих близких, мы не чувствовали горечи расставания. Папа был очень хорошо настроен, много шутил. Поезд тронулся, а с ним уехал наш папа в вечность, из которой возврата нет... Кто из нас думал, что мы видим папу последний раз?..»

Эти живые строчки четырнадцатилетней девочки, сохранившиеся и дошедшие до нас, показывают, какое сердце билось в груди, одного из сыновей Доброславина. Честный, переживающий за свое дело, не принимающий ужасы бесчеловечной войны офицер, не мог мириться с безответственностью, расхлябанностью и трусостью. Это его угнетало. Но даже среди этих ужасов войны в нем разглядели честного и порядочного врача и он вместе со своим старшим товарищем, начальником санитарной части армии Северного фронта лейб-медиком проф. А.А. Двукраевым разъезжает по фронту, инспектируя лечебные заведения. Александр Арсентьевич Двукраев в мирное время был главным врачом Николаевского военного госпиталя и, конечно, хорошо знал своего подчиненного, младшего ординатора В.А. Доброславина.

Далее, в дневнике Ольги Вячеславовны мы читаем: «Наступило 22 августа 1916 г. Мама особенно тосковала в этот день и весь вечер проплакала. А 23 августа в 5 часов утра нас разбудил стук в дверь. Это был почтальон, принесший телеграмму. Первым телеграмму прочел дядя Боря, который затем прошел в комнату бабушки и там послышались рыдания. В ту же секунду мы все вскочили с постелей и побежали к бабушке, а она уже шла к нам навстречу, плача и держа, в дрожащих руках, телеграмму. Папы больше не было в живых, он погиб 22 августа 1916 г. В телеграмме сообщалось, что тело в цинковом гробу будет доставлено в Петербург.

...По приезде узнали, что гроб уже привезли, что мама уже его встретила, и что он поставлен в часовню при Николаевском госпитале. Ходили 2 раза в день на панихиды, а затем настал день похорон. Тускло мерцавший цинковый гроб был водружен на колесницу, и траурное шествие под звуки похоронного марша направилось в Невскую Лавру. Папу хоронили в склепе дедушки Алексея Петровича, находившемся под часовней, стоявшей рядом с памятником А.П.Бородина. Отпевание, прощание с гробом, он не открывался т.к. был запаян, потом гроб исчезает в открытом склепе и вся часовня заполняется венками. Папа остается там, а нам на нашу долю остается небывалое горе. От присутствующих на похоронах товарищей папы, мы узнали подробности его смерти. В качестве инспектора, папа

очень много разъезжал по госпиталям в целях инспектирования работы. Из одного госпиталя он переезжал в другой и так в течение всей командировки. Не умея работать в полсилы, он и тут весь отдавался своему делу и очень устал или переутомился. 22 августа он с той же целью посетил свой бывший 304 в.п. госпиталь. Его встретили с радушием и сразу усадили за стол подкрепиться с дороги. Но папа, посидев несколько минут, встал, сказав, что ему душно и он хочет выйти на воздух. Прошло 10-15 минут, папа не возвращался, обеспокоенные его отсутствием, товарищи пошли за ним и нашли его уже в бессознательном состоянии. Никакие средства не помогали, он умер через полчаса на руках своих товарищей. Причиной смерти признали паралич сердца, не выдержавшего чрезмерной работы, а также и тем, в основном, что машина, на которой приехал папа, незадолго до того пересекла зону, отравленную газами немецкими войсками».

Вот так судьба распорядилась жизнью еще одного доктора из рода Доброславиных. К такому страшному химическому оружию, как хлор, в то время противоядия в армии не было, противогазы армия тоже была обеспечена недостаточно. Смерть от воздействия этого яда мучительная. Многие русские солдаты так и остались на поле брани, пораженными варварским методом ведения войны.

Умер Вячеслав Алексеевич в г. Дрисса – это старое название г. Верходвинска Республики Беларусь, расположенного на слиянии реки Дрисса и Западной Двины. Буквально за две недели до этого В.А. Доброславин сопровождал начальника санитарной части армии Северного фронта А.А. Двукраева. Во время этой служебной поездки по осмотру лечебных заведений и знакомства с санитарным состоянием войск оба попали под неприятельский огонь противника и последствия применения газовой атаки немцев. По видимому, В.А. Доброславин действовал в этих условиях настолько смело и решительно, что командующий 5-й армии генерал от инфантерии В.А. Слюсаренко представляет его 11 августа 1916 г. к награждению мечами к имеющемуся у него, ордену Анны 2-й степени. Получить эти боевые регалии при жизни ему так и не пришлось.

Награды В.А. Доброславина – ордена: Св. Владимира 4 степени, Св. Анны 2 ст. с мечами, Св. Анны 3 ст., светлобронзовые медали: в память 200-летия победы в Полтавской битве, 100-летия Отечественной войны 1812 года, в память 300-летия царствования Дома Романовых. [6].

Военный врач В.А. Доброславин погиб, честно исполнив свой долг, оставив о себе добрую память и достойно продолжив династию медиков Доброславиных. Вячеслав Алексеевич был женат на дочери петроградского 2-й гильдии купца Александре Константиновне Заботкиной. У них родилось трое детей Алексей, Ольга и Юрий (Георгий). Это единственная семья, от которой продолжается род Доброславиных. Ни у Владимира, ни у Бориса, старших братьев Вячеслава, детей не было, а младший брат Вадим умер в 17-летнем возрасте от туберкулеза.

Обратим внимание на одну важную историческую деталь. Вячеслав Алексеевич Доброславин был похоронен в склепе-часовне, которую вдова и дети поставили на могиле профессора А.П. Доброславина в 1903 г., т. е. в одной могиле со своим отцом Алексеем Петровичем. Но до последнего момента никакого упоминания об этом нигде не звучало.

Было бы справедливо, чтобы спустя годы на могильной плите профессора А.П. Доброславина, где рядом с ним покоится его сын, врач, надворный советник, военный инспектор В.А. Доброславин появилось упоминание и об его сыне. Надо восстановить историческую справедливость.

Литературные источники:

1. ЦГИА СПб. Ф. 19, оп 124, д. 1314, л. 229 об-300.
2. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. – 1890 г. – Том 1. – С. 622.
3. ЦГИА СПб. Ф. 409, оп 1, д 172505, л 33 об-40 об.
4. Там же. Ф. 436, оп. 1, д. 14549, лл. 1, 3, 7, 9, 1, 12.
5. Итунин, В.Ф. Доброславин. Страницы жизни. – Брянск, 2012 г. – С. 293-299.
6. ЦГИА СПб. Ф. 409, оп 1, д. 172505, л. 34.